

УДК 159.9

ЦЕННОСТНЫЙ ФАКТОР ОТНОШЕНИЯ К ЭКСТРЕМИЗМУ У СТУДЕНТОВ

Дейнека О.С., Даукша В.С., Морозова С.В.

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ),
Санкт-Петербург, e-mail: osdeyneka@yandex.ru, valen-dauksha@mail.ru, svmpsy@gmail.com

Представлены результаты эмпирической проверки связи «слабых сигналов» предрасположенности к экстремизму и характеристик системы ценностных ориентаций студентов. В поисковом исследовании приняли участие 126 студентов математических специальностей из университетов в Санкт-Петербурге и Минске. Установлено, что некритическое отношение к проявлениям экстремизма в большей степени свойственно молодежи с низкой значимостью ценности семьи и высокой ценностью развлечений (гедонистическая ориентация). Дополнительно решена задача проверки конструктивной валидности базового опросника с применением конфирматорного факторного анализа и методов моделирования структурными уравнениями. В факторной структуре базового опросника «Психологические предпосылки экстремизма» выделены «фактор нормативно-ценностных предпосылок к экстремизму», «фактор радикализма в отношении к руководству страны и его информационной политике» и «фактор неуверенности/уверенности в себе и своем будущем». Доказано, что юноши в большей степени, чем девушки, склонны к экстремистским высказываниям и проявлению экстремистских установок.

Ключевые слова: ценностные ориентации, отношение к экстремизму, психологические предпосылки, студенческая молодежь, конфирматорный факторный анализ, моделирование структурными уравнениями

VALUES AS A FACTOR IN STUDENTS ATTITUDES TOWARD EXTREMISM

Deyneka O.S., Dauksha V.S., Morozova S.V.

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg,
e-mail: osdeyneka@yandex.ru, valen-dauksha@mail.ru, svmpsy@gmail.com

The purpose of this study was empirical testing of correlation between the «weak signals» propensity to extremism and characteristics of the system of value orientations of students. The exploratory study involved 126 students of mathematical specialties of universities in St. Petersburg and Minsk. It is established that an uncritical attitude toward extremism are more characteristic of young people with a low significance of family values and high entertainment value (hedonistic orientation). In addition, we have solved the problem of construct validity of the base questionnaire using confirmatory factor analysis and structural equation modeling. Factorial matrix of the questionnaire «Psychological preconditions of extremism» includes «the factor of normative and value prerequisites for extremism», «radicalism in relation to the country's leadership and its information policy» and «factor of uncertainty / confidence in themselves and their future». The model has shown that boys are more prone to extremism statements and manifestation of extremist attitude than girls.

Keywords: value orientation, attitudes toward extremism, psychological prerequisites, college students, confirmatory factor analysis, structural equation modeling

Потенциал развития общества в значительной степени зависит от того, какие ценности, цели, убеждения и социальные установки присущи молодежи. Ценности рассматривают как системообразующий фактор любой этической системы [9], как внутренний стержень культуры, концентрированное духовное выражение потребностей и интересов социальных общностей [3], феномен, способствующий объединению индивидуумов в сообщество и обеспечению согласия внутри него [6].

Деформация ценностей и смыслов жизни является одним из определяющих факторов деструктивного и противоправного поведения молодежи. И, напротив, ценностный фактор может выступать неким фильтром, сдерживающим негативный поступок, включаться в мотивационный вектор направленности личности, и потому должен учитываться в профилактике деструктив-

ных установок и поведения, правонарушений и преступлений.

Как подчеркивал Г. Лебон [5], настоящие революции и потрясения общество переживает в том случае, если ими затрагиваются ценностные ориентации и верования народа. Неудивительно, что С. Московичи призывал обратить внимание ученых на ценностные аспекты социальных представлений [8].

В недавнем исследовании одного из авторов статьи [1] с участием представителей студенческой молодежи из четырех стран Евразийского союза (654 чел.), ценностные аспекты социальных представлений и отношений были включены в диагностический инструмент изучения психологических предпосылок экстремизма и радикализма в молодежной среде. Исследование позволило получить эмпирическое подтверждение того, что психологическими маркерами

(или «слабыми сигналами») предрасположенности к экстремизму явились низкая ценность человеческой жизни и, напротив, высокая ценность материальных благ, а также социальная псевдоценность национального превосходства. Напротив, важной ценностной предпосылкой неприятия политического экстремизма оказалась такая политическая ценность как патриотизм (позитивное отношение к своей стране и благоприятный образ своего государства).

Цель настоящего исследования состояла в эмпирической проверке связи «слабых сигналов» предрасположенности к экстремизму и характеристик системы ценностных ориентаций студентов.

Материалы и методы исследования

В качестве базового инструмента использовался разработанный нами шкальный многофакторный опросник «Психологические предпосылки экстремизма» [1], который был дополнен экспресс методами отношения к экстремистам и экстремистским организациям [там же]. Система ценностей изучалась с помощью теста ранжирования ценностей М. Рокича в адаптации В.А. Ядова. В поисковом исследовании приняли участие 126 студентов математических специальностей из университетов в Минске (68 чел.) и Санкт-Петербурге (58 чел.). Вся выборка включала 42% девушек и 58% юношей, средний возраст респондентов 20,8 лет (группы были уравновешены по возрасту, но по полу этого сделать не удалось).

Дополнительно была поставлена методическая задача проверки конструктивной валидности базового

опросника с применением конфирматорного факторного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ средних данных отношения к экстремистам и экстремистским организациям, подтвердил полученный ранее на студенческих группах [1] результат в целом негативного отношения к экстремизму (табл. 1). Респонденты, тем не менее, показали не совсем однозначное, скорее противоречивое отношение к экстремистам (больше половины респондентов определяют их как преступников и/или наемников или заблуждающихся людей) и довольно критическое отношение к экстремистским организациям (вплоть до применения к ним экстремальных методов борьбы).

Уровневый и содержательный анализ данных базового опросника «Психологические предпосылки экстремизма» показал также в целом благоприятную картину социальных представлений студентов об экстремизме как негативном социально-политическом явлении.

Сравнительный анализ данных опросника (табл. 2) выявил более выраженный запрос на абсолютную свободу слова у белорусских студентов, чем у российских (при $p < 0,001$), и при этом меньшую степень осознания угроз цветных революций (при $p < 0,01$).

Таблица 1

Оценки экстремистов и экстремистских организаций в общей выборке

Как бы вы охарактеризовали экстремистов?	М	σ
Мужественные, искренние люди, борющиеся за справедливость	2,39	1,64
Преступники, сознающие, что они делают	4,42	1,88
Заблуждающиеся люди, безумцы	4,51	1,68
Авантюристы, думающие о собственной выгоде и славе	3,89	1,78
Отчаявшиеся, загнанные обстоятельствами люди	3,70	1,82
Наемники, чьи хозяева остаются неизвестны	4,49	1,94
Как вы относитесь к экстремистским организациям?	М	σ
Я их полностью поддерживаю, сам(а) бы в них вступил(а)	1,51	1,06
В чем-то я их даже поддерживаю, но сам(а) бы никогда не стал(а) бы их членом	2,46	1,77
Считаю для себя их лозунги и методы не приемлемыми	5,18	1,94
Считаю, что с ними нужно бороться любыми методами	4,70	1,78
Мне все равно	3,09	2,11

Примечание. Использовалась 7-балльная шкала.

Таблица 2

Статистически достоверные различия проявлений предрасположенности к политическому экстремизму в группах респондентов из России и Беларуси

№	Россия	Беларусь				p
	Утверждение	М	σ	М	σ	
5.	Я считаю, что свобода слова не должна быть ограничена абсолютно ничем.	3,90	2,00	5,03	1,44	,001***
9.	Любые идеи должны свободно распространяться в СМИ, даже если они кому-то кажутся экстремистскими или террористскими.	2,33	1,39	3,28	1,55	,000***
12.	Я готов (а) принять участие в каких-либо политических акциях и мероприятиях.	3,25	1,77	2,32	1,51	,002**
15	Я с удовольствием смотрю различные побоища и драки.	2,00	1,48	3,09	1,81	,000***
17.	Я абсолютно не согласен с действиями нашего руководства и считаю, что они ведут к упадку и разрушению страны.	3,21	1,30	4,16	1,60	,001***
26.	Я не сторонник соблюдения законов, норм и правил.	2,07	1,24	3,24	1,63	,000**
30.	Национальное превосходство нужно доказывать любой ценой.	2,09	1,38	2,70	1,60	,014**
35.	Стране не грозят путчи, перевороты и/или цветные революции.	3,58	1,48	4,39	1,82	,009**

Примечание. ** – при $p < 0,01$; *** – при $p < 0,001$.

Корреляционный анализ данных исследования показал, что среди тех студентов, которые максимизируют ценность свободы, оказалось меньше тех, кто определяет экстремистов как преступников, а среди тех, кто выше ценит семью, оказалось меньше оценивающих экстремистов как заблуждающихся людей. Чем старше были молодые люди, тем в большей степени они отвергали для себя лозунги и методы экстремистских организаций, считая их не приемлемыми.

Результаты исследования взаимосвязи системы ценностей и «слабых сигналов» предрасположенности к экстремизму позволили выявить два противоположных по модальности и не безразличных к экстремистским установкам ядра системы терминальных ценностных ориентаций, которые наиболее выпукло были выражены у студентов из Беларуси.

Позитивно с позиций профилактики экстремизма проявила себя ориентация на счастливую семейную жизнь. Студентами, у которых идеалы или смыслы жизни (пять приоритетных терминальных ценностей) содержат такую ценность как «счастливая семейная жизнь», отвергается насилие ($p < 0,01$), агрессия-месть ($p < 0,001$) и неоправданный риск ради новых впечатлений ($p < 0,01$), у них также слабее выражено желание просматривать сцены побоищ и драк ($p < 0,05$).

Негативно с позиций профилактики экстремизма проявила себя ориентация на «развлечения». Гедонистическая ориентация оказалась определенным маркером предрасположенности к радикальным установкам. Ее приоритет высоко значимо коррелирует с пренебрежением к таким социальным регуляторам как законы и нормы ($p < 0,01$) и низкой законопослушностью, а также с радикальными установками в национальных отношениях ($p < 0,01$), с низкой ценностью человеческой жизни ($p < 0,05$), с тем, что допускается насилие и агрессивная месть ($p < 0,05$).

В коммунитарных обществах противоречия рыночной конкуренции смягчаются опытом и ценностями коллективной жизнедеятельности [4]. Роль коммунитарных ценностей в профилактике противоправного поведения была подтверждена в группе белорусских студентов. Оказалось, что за деньги заниматься не совсем законной работой в большей степени готовы те, у кого ценностная ориентация «счастье других» находится далеко на периферии системы ценностей.

Инструментальные ценности также обнаружили легко интерпретируемые связи со «слабыми сигналами» предрасположенности к экстремизму. Чем важнее для испытуемых была ценность «высокие запросы», тем в меньшей степени они проявили

установку на законопослушное поведение ($p < 0,01$), и оказались менее чувствительны к психологическому насилию в обществе.

Ценность «твердая воля» показала положительные связи с проявлениями законопослушности, этических принципов патриотизма и идентификации со страной (несогласие даже за большие деньги нанести вред стране), а также с негативным восприятием неоправданного риска ради новых впечатлений. Ценность «ответственность» тоже высоко значимо коррелирует с проявлениями этических принципов гражданина.

Ценность «смелость в отстаивании своих взглядов» оказалась связана с более критичным отношением к политической системе, ценностью свободы слова, и готовностью проявить агрессию в ответ на агрессию других.

Данные опросника «слабых сигналов» predisposedности к экстремизму были подвергнуты не только эксплораторному, но и и конфирматорному факторному анализу.

На рис. 1 приведена модель, полученная с учетом бинарной переменной «страна». Конфирматорный факторный анализ показал, что из 5-факторной модели исследовательского факторного анализа значимо взаимосвязаны с переменной «страна» только три фактора (F1, F2, F4), поэтому оставшиеся два фактора (F3 и F5) были исключены из модели. Остановимся на интерпретации этих трех факторов модели.

Фактор F1, названный нами «фактор нормативно-ценностных предпосылок к экстремизму» включил такие феномены как 1) агрессия и ее канализирование; 2) низкая законопослушность, особенно ради удовлетворения материального интереса; 3) ценностные деформации радикалистского толка.

Первый фактор более всего нагружают высказывания, связанные с принятием и/или канализированием агрессии (№15) и с тем, что субъектом допускается ненормативное и противоправное поведение

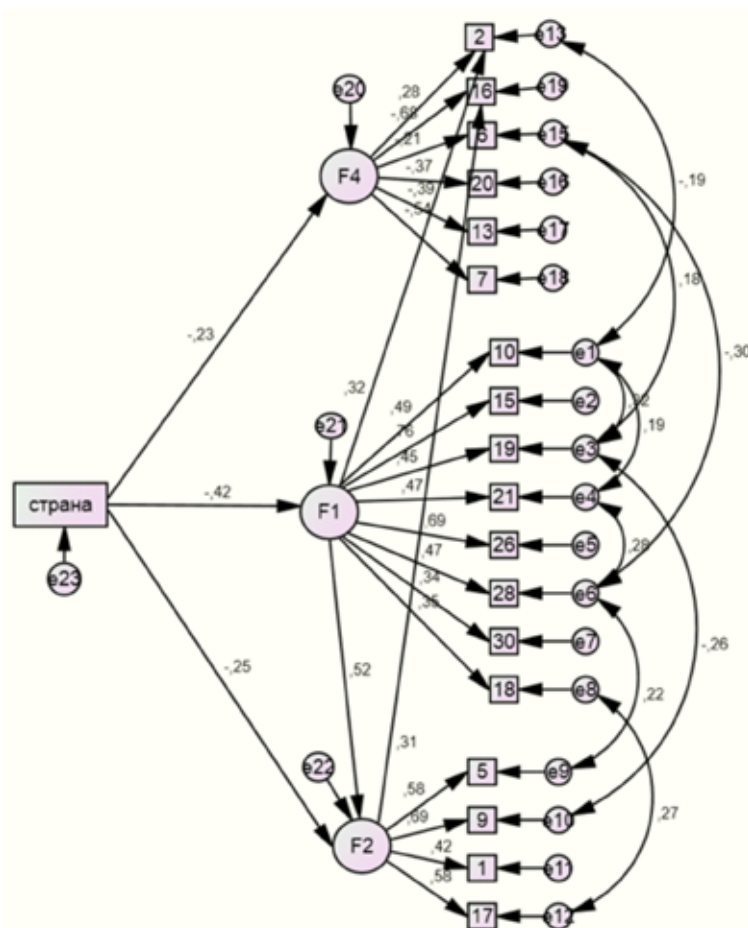

Рис. 1. Модель по результатам конфирматорного факторного анализа данных опросника predisposedности к экстремизму.

Показатели пригодности модели:

$CMIN = 143,692$; $df = 138$; $p = ,353$; $CMIN/DF = 1,041$; $CFI = ,892$; $RMSEA = 0,18$

(№26). С меньшими вкладами в фактор вошли степени согласия с утверждениями, связанными с ценностными деформациями. для содержательной расшифровки фактора F1 ниже приведены утверждения рядом с их номерами.

Утверждения, связанные с агрессией: №15 (Я с удовольствием смотрю различные побоища и драки); №10 (Я смог(ла) бы применить насилие в ответ на оскорбление или унижение); №19 (Я не осуждаю агрессию как реакцию на агрессию других).

Утверждения, связанные с низкой законопослушностью или противоправным поведением: №26 (Я не сторонник соблюдения законов, норм и правил); №21 (За хорошие деньги я готов(а) заниматься не совсем законной работой); №28 (Ради заработка я соглашусь заниматься тем, что приносит вред стране (контрабанда, разглашение секретной информации и т.д.)).

Утверждения, свидетельствующие о ценностных деформациях: №30 (Национальное превосходство нужно доказывать любой ценой); №18 (Жизнь человека – не самая главная ценность в этом мире).

Фактор F2, названный нами «фактор радикализма в отношении к руководству страны и его информационной политике», более всего нагружают высказывания: №9 (Любые идеи должны свободно распространяться в СМИ, даже если они кому-то кажутся экстремистскими или террористскими); №5 (Я считаю, что свобода слова не должна быть ограничена абсолютно ничем); №17 (Я абсолютно не согласен с действиями нашего руководства и считаю, что они ведут к упадку и разрушению страны); №1 (Я считаю, что цель всегда оправдывает средства).

Ссылаясь на Т. Гарра, Л.Б. Шнейдер подчеркивает, что экстремизм обнаруживает мощное стремление фигурантов к достижению своих целей по принципу «цель оправдывает средства». Отрицание и категоричность (радикализм) автор рассматривает в качестве сущностной черты экстремизма [7]. Отрицание любого контроля за информацией свидетельствует о недостаточной зрелости личности. Такая позиция препятствует осознанию угроз информационной безопасности нации (и личности), опасных последствий информационных войн.

Фактор F4 или «фактор уверенности/неуверенности в себе и своем будущем» более всего нагружают высказывания: №16 (У меня есть четкие планы на 5 лет вперед); №7 (Я чувствую себя нужным стране); №13 (Усилие, по моему мнению, главный фактор хорошего заработка); №20 (Я не боюсь, что останусь без работы после получения диплома); в меньшей степени

№6 (Важно сохранять в обществе культурные традиции) и с противоположным знаком №2 (Я никогда не принимаю участия в общественно-полезных мероприятиях).

Признаки фактора F4 с отрицательным знаком, а именно: неуверенность в себе, отсутствие целеустремленности, переживание потенциальной невостребованности и пессимизма по поводу своей профессиональной самореализации, неадекватные представления о балансе «вклад-отдача» создают предпосылки к молодежному экстремизму. Обремененные социальным инфантилизмом, они способствуют усилению иррациональных форм поведения [2].

Признаки всех трех факторов, выявляющие «слабые сигналы» предрасположенности к экстремизму или экстремистским высказываниям, оказались статистически значимо выше выражены у студентов из Беларуси, что может быть связано с тем обстоятельством, что в пилотной выборке из Минска было больше юношей, чем в выборке из Санкт-Петербурга. В связи с этим с помощью SEM (моделирования структурными уравнениями) были проверены следующие гипотезы: 1) пол респондентов влияет на степень выраженности F1, F2 и F4; 2) социокультурные различия или различия между студентами из Беларуси и России проявляются в степени выраженности F1, F2 и F4; 3) пол испытуемых и переменная «страна» оказывают совместное влияние на выраженность значений F1, F2 и F4.

Проверка эмпирической модели влияния переменных «страна» и «пол» испытуемых на склонность к экстремизму показала, что исходная модель требует корректировки, так как часть направленных связей оказалась статистически не значимой, а отношение χ^2/df статистически значимо. В основную модель после корректировки были включены направленные связи от переменной страна к F2 ($\beta = -0.29$, $p = 0.007$) и F4 ($\beta = -0.24$, $p = 0.087$), а также опосредованное влияние переменной страна на F1 (страна → пол: $\beta = -0.49$, $p < 0.001$; пол → F1: $\beta = 0.65$, $p < 0.001$). Помимо основной модели, рассчитанной после удаления незначимых связей, также была построена альтернативная модель. В нее была включена прямая направленная связь от переменной страна к F1 ($\beta = -0.42$, $p < 0.001$), а переменная пол рассматривалась исключительно как случайный фактор, объясняющий часть дисперсии переменной страна ($\beta = -0.49$, $p < 0.001$). В табл. 3 для сравнения полученных результатов приведены основные параметры всех трех моделей. Основная модель (рис. 2) статистически значимо лучше соответствует исходным данным, чем альтернативная ($\Delta \chi^2 = 31.5$, $\Delta df = 1$, $p < 0.01$).

Таблица 3

Параметры основной и альтернативной моделей влияния переменных «страна» и «пол» на склонность к экстремизму

Параметр	Допустимое значение	Значения параметров модели		
		Основная модель до модификации	Основная модель после модификации	Альтернативная модель
χ^2 (CMIN)	не ограничено	168,18	173,09	204,59
df	не ограничено	153	156	156
p	>0.05	0,19	0,166	0,005
χ^2/df (CMIN/df)	<2	1,099	1,11	1,311
CFI	<0.9	0,97	0,96	0,896
GFI	<0.9	0,89	0,88	0,86
RMSEA	<0.05	0,028	0,03	0.05

Обозначения. CFI – индекс сравнительного согласия, GFI – критерий согласия, RMSEA – среднеквадратическая ошибка аппроксимации.

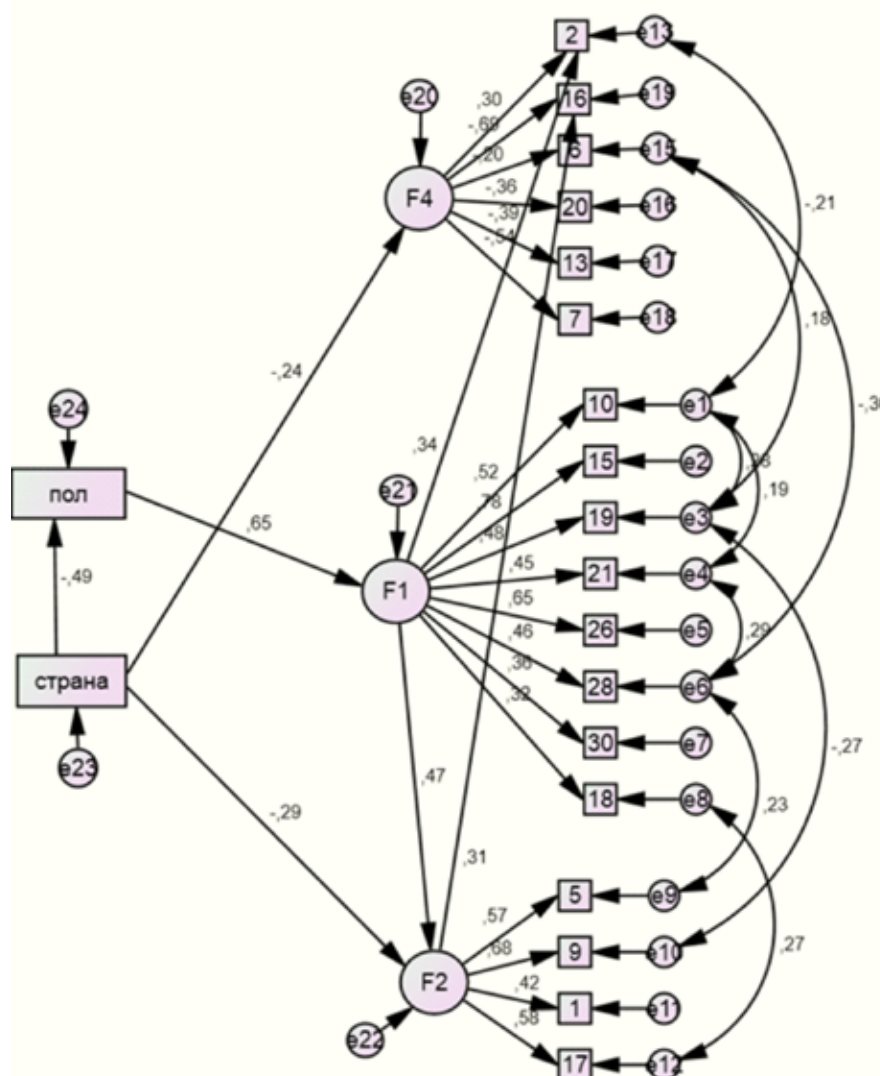

Рис. 2. Основная модель влияния переменных «страна» и «пол» на факторы предрасположенности к экстремизму или экстремистским высказываниям. Показатели пригодности модели:
 $CMIN = 173,086$; $df = 156$; $p = 0,166$; $CMIN/DF = 1,110$;
 $CFI = 0,881$; $RMSEA = 0,30$

Модель подтвердила, что пол респондентов влияет на степень выраженности F1 (агрессия и ее канализирование; низкая законопослушность, особенно ради удовлетворения материального интереса; ценностные деформации радикалистского толка). Юноши более склонны к экстремистским высказываниям, чем девушки. Выявлено опосредованное полом влияние переменной «страна» на первый фактор. В белорусской выборке больше юношей, что обуславливает большую выраженность склонности к экстремистским высказываниям студентов из Беларуси. Социокультурные различия «слабых сигналов» предрасположенности к экстремизму проявились в выраженности признаков фактора радикализма в отношении к руководству страны и его информационной политике у студентов математических специальностей из Беларуси.

Заключение

Деформация системы ценностей усиливает предрасположенность к экстремистской деятельности. Некритическое отношение к проявлениям экстремизма в большей степени свойственно молодежи с низкой значимостью ценности семьи и высокой ценностью развлечений в сочетании с высокими запросами.

С помощью конфирматорного факторного анализа и метода структурного моделирования удалось создать короткую версию опросника, элиминировав переменную «страна» и «пол», что позволяет использовать опросник «Психологические предпосылки экстремизма» в среде русскоязычной

студенческой молодежи стран постсоветского пространства с учетом гендерных различий.

Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта № 14-06-00719.

Список литературы

1. Дейнека О.С. Психологические предпосылки политического экстремизма в среде студенческой молодежи в странах Евразийского союза // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2; URL: <http://www.science-education.ru/131-23996>.
2. Дейнека О.С. Психология превентивной политики правонарушений в экономике и бизнесе. Уч. пособие. – Saarbrücken, Deutschland/Германия: Palmarium Academic Publishing. – 2013. – 410 с.
3. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Уч. пособие для студентов ВУЗов, 3-изд. доп и пер. – М.: Аспект-Пресс, 1996.
4. Крамник В.В. «Демон жадности» и мораль: кто кого? // Вестник политической психологии. – 2003. – № 1(4). – С. 31–33.
5. Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: ИД Социум. – 2016.
6. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. – М., 1996. – С. 497.
7. Шнейдер Л.Б. Молодежный экстремизм: сущность, гендерная специфика, противодействие и профилактика. – М.: МПСУ, 2014. – 196 с.
8. Deyneka O. Dauksa V. The representation of Belarusian State in common consciousness of students during the financial crisis // International Psychological Applications Conference and Trends. Proceeding / Ed. By Clara Pracana (Porto, Portugal, 2014, 4–6 April) – Lisbon: W.I.A.R.S., – 2014 – P.46–51.
9. Moscovici S. Introductory Address // Papers on social representations. – 1993. – V.2, №3. – P.160–170.
10. White L.P., Woten K.C. Professional Ethics and Organizational Development. N.Y. – 1986.